

*Александр Борисович КЕРДАН —
член Союза писателей России,
почетный профессор Уральского
института бизнеса,
кандидат философских наук*

УДК 165.9:171.1

МИФОЛОГЕМА ОФИЦЕРСКОЙ ЧЕСТИ

АННОТАЦИЯ. Исследуя мифологему офицерской чести, автор актуализирует целый ряд ее социокультурных функций, позволяющих формировать духовно-нравственный облик офицера, помогающих ему лучше ориентироваться в сложном лабиринте ценностей современного мира и совершать поступки, соответствующие кодексу чести.

Exploring the «officer's honor «mythage» the author reveals a whole series of its socio-cultural roles that enable to form an officer's moral character empowering him to better orientate himself in an intricate labyrinth of modern world values and accomplish actions in accordance with a code of honor.

Честь как нравственная ценность охватывает и концептуальный, и должный, и сущий уровень морали. Все это конкретизируется в целом ряде устойчивых показателей. В то же время часть сторон исследуемого феномена не может быть выражена в такой же форме. Эти стороны чаще обретают смысл ментально-должного ориентира, воплощенного в образе, предании, норме. Все это определяет мифологизм офицерской чести.

Выдвинутая автором гипотеза о мифологической природе офицерской чести как социально-культурного явления опирается на общепризнанное суждение о том, что миф выступает прообразом [1], зародышем [2] всей духовной культуры, является формой общественного сознания, в которой люди воспринимают и осознают окружающий мир, запечатлевают накопленный ими жизненный опыт, сохраняют и передают его из поколения в поколение.

Важно отметить, что древнейшей формой бытия мифа выступает эстетическая, что проявляется в своеобразном «двойном гражданстве» термина «искусство». С одной стороны, искусство обозначает некий специализированный эстетический род человеческой деятельности, а с другой — феномен культуры как таковой. По мнению А. М. Лобока, «искусство — искусственность — искушение» — эта триада носит фундаментальный характер для понимания самой сущности культуры» [1]. Культура искушает человека на небологическое, неестественное (искусственное) поведение и вырабатываемые людьми эстетические и нравственные приоритеты становятся ключевыми регуляторами существования человека в создаваемом им мире искусственного.

Иные формы мифологического упорядочения мира — понятийные, концептуальные, идеологические и религиозные возникают позднее именно из принципа прекрасного как самого элементарного и глубокого основания структурирования человеческих предпочтений.

Связь мифа и искусства, а также других форм духовной культуры тем очевиднее, что первоначальной формой организации и структурирования любого акта познания (в том числе и научного) является образ. Любое научное познание осуществляется в рамках некоей философской парадигмы, а философ, по трактовке Гуссерля, занимается в своей деятельности не столько отражением предмета, сколько «актуализацией с помощью извне полученных впечатлений

образа предмета, хранящегося до этого момента где-то в сумерках памяти, на самом дне сознания» [3].

Мифологический образ воинской чести недвусмысленно возникает в старинных русских сказаниях и былинах. Три мифологизированных богатыря — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, несмотря на разные социальные корни (из крестьян, дворян и слугителей культа), являют собой по существу первый в народном сознании эстетический образ профессионального защитника Отечества (своего рода предтеча нынешнего военнослужащего — «контрактника»).

В описании их ратных подвигов, бытового поведения, вооружения, амуниции проявляется одна из специфических социокультурных функций мифа — функция стереотипизации. Вследствие своей наглядности, простоты, эмоциональной насыщенности мифологические сюжеты, в которых былинные богатыри проявляют свои (вневременные) воинские достоинства: честность, храбрость, верность долгу (слову), взаимовыручку, силу, смекалку и т. д., легко усваиваются, транслируются, становятся стереотипами — упрощенными «паттернами», стандартами, образцами, по которым строится мышление и поведение следующих поколений защитников Отечества.

Дальнейшим развитием мифологизированного (по существу) образа русских воинов выступают такие древние рукописные литературные источники, как «Задонщина» и «Слово о полку Игореве». В них былинный строй и мифологический контекст подчеркивают драматизм сюжета, а идея защиты Отечества служит мощным средством сплочения людей в сообщество, члены которого руководствуются едиными принципами, представлениями, ценностями, нормами и ставят перед собой единые цели. Именно таким образом основанная на вере в миф стереотипизация восприятия действительности подчиняет индивидуальное сознание коллективному, служит задачам идеологизации мифов.

Идеологические мифы — явление крайне живучее и самым тесным образом связанное с корпоративной честью офицерского корпуса, в те или иные исторические периоды являясь ее идеологической платформой. Наиболее известным идеологическим мифом можно назвать, например, знаменитую триаду министра просвещения Уварова: «Самодержавие, православие, народность». В армейской среде она бытовала в столь же мифологической, знаковой формуле: «За Веру, Царя и Отечество!» Не столь далекое от нас советское прошлое памятно другими мифологическими стереотипами: «Народ и Армия — едины» и т. д.

В приведенных и подобных им семантических формулировках находит свое проявление еще одна функция мифа — символическая. Миф становится своеобразным символическим кодом, в котором выражаются определенные смыслы, так или иначе связанные с реальными фактами.

Карл Юнг толковал мифологию как выражение некоего «коллективного бессознательного». К. Леви-Стросс рассматривал символику мифов как «знаковую моделирующую систему». На основании этого А. С. Кармин приходит к выводу о том, что фактически в символику мифа вкладывается то содержание, которое самому толкователю хочется в ней видеть [2].

Применительно к исследуемому нами феномену офицерской чести можно отметить, что мифологическая символизация позволяет в иррациональной, неявной форме улавливать в данном явлении то, что наука еще не способна фиксировать и интерпретировать на рациональном уровне. Скажем, некоторые, пока еще неочевидные культурные сдвиги в самом понятии чести, неявное смещение акцентов мотивации поступков офицера с идеологической платформы в религиозно-традиционную область, а иногда и в прагматическую сферу.

Именно на уровне мифологической символики (базирующейся на архетипе), на наш взгляд, осознается смещение ценностных ориентаций в государственной политике по отношению к Вооруженным Силам. Так, отказ в воинской форме от русской шинели (за два столетия ставшей настоящим символом русского воинства), изменение знаков различия, введение единой с бывшими противниками униформы (НАТОвского образца) стирает грани «свой — чужой», негативно сказывается на отношении военнослужащих к отечественной истории и традициям русской армии. В свою очередь, эклектика, присутствующая сегодня и в государственной символике, и в символике Вооруженных Сил (соединение двуглавого орла и Красного знамени Вооруженных Сил; надписи на нем: «Отечество, долг, честь» и отсутствие упоминания чести в нормативных воинских документах; сочетание «советской» музыки Александрова в гимне с «новорусским» текстом Михалкова и т. д.) также не способствует упрочению мировоззренческих позиций, духовно-нравственных качеств современного офицера.

Еще одна функция мифа — компенсаторная.

Мифология ратной службы, в том числе связанная с феноменом офицерской чести, позволяет офицеру в какой-то мере компенсировать недостаток знаний, объяснить непонятное в современной политике, экономике и морали. Мифы (исторические, политические, религиозные), как показал опыт первой чеченской кампании [4], выступали единственным механизмом психологической защиты, помогающим нашим солдатам и офицерам справиться с невзгодами и хаосом военного лихолетья. Этот механизм именуется регрессией: в стрессовой ситуации люди иногда испытывают желание вернуться в детство, под защиту матери (это проявляется в позе — свернуться калачиком, в возгласе: «Ой, мамочка!»). Потребность верить в миф отвечает детскому восприятию окружающей действительности, с характерным детским ожиданием чуда (А, вдруг, пронесет!), с одной стороны, с другой стороны — смещением вымысла и реальности, подчинением разума чувствам (в том числе и высоким порывам: жертвенности и самоотдачи). Ярким примером последнего является подвиг пограничника Евгения Родионова, который за отказ снять с себя нательный крест был обезглавлен чеченскими боевиками. Сегодня воин Евгений Родионов причислен Православной Церковью к числу местно чтимых святых.

Важной особенностью существования мифологии офицерской чести выступают обряды и ритуалы как способы бытования мифологического сознания военнослужащего. Тайна ритуала — все та же символизация. По мнению В. Тэрнера, все ритуалы «состоят из символов» и ритуальный символ есть по своей сути «структура семантическая» [5].

Традиция ритуалов русской армии — яркое тому подтверждение. Например, ритуал посвящения в офицеры, когда выпускнику военного учебного заведения вручаются первые офицерские погоны, уходит корнями в прошлые столетия [6]. Главный атрибут этого ритуала — погоны — не что иное, как мифологический символ, связанный с рыцарством (посвящая в рыцари, прикладывали клинок меча или шпаги к плечу посвящаемого — к тому месту, где сегодня находится погон). Осязаема и другая связь ритуала посвящения в офицеры с рыцарской эпохой: преклонив колени (как и посвящаемый в рыцари) целует выпускник военного вуза знамя училища.

Можно привести и другие примеры обрядового, ритуального поведения офицера, имеющие мифологические корни. Таковыми являются ритуалы получения церковного благословения на ратные подвиги, освящения знамен воинских частей, казарм, отпевание погибших воинов и т. д. Дмитрий Донской, отправляясь на Куликово поле, принимал благословение Сергия Радонежского, русские полки

перед Бородинским сражением обносились иконой Казанской Божьей матери. Есть подобные примеры и сегодня [7].

Знаковым и во многом наполненным мифологическим содержанием являлся ритуал дуэли, оказавший немалое воздействие на формирование офицерской чести. Не имея своей целью подробное рассмотрение данного социокультурного феномена, достаточно изученного и описанного в научных источниках [8], отметим все же ритуально-знаковую роль дуэли как процедуры восстановления чести. Дуэль к концу XIX века сделалась своеобразным институтом корпоративной чести русского дворянства и, в первую очередь, офицерства. Мифологизированными фигурами, на которые ориентировались и которым старались подражать юные офицеры на протяжении полутора столетий бытования дуэли в России, являлись бретеры в эполетах: А. Якубович, Ф. Толстой-Американец, Ф. Уваров и другие.

Дуэль как социокультурный феномен являлась неотъемлемой частью жизни русского офицера, реалией его быта, источником множества легенд, которые в мифологизированном виде дошли до современных офицеров, будучи символом «золотого века благородства и чести» [9].

Люди, верящие в миф, действительно воспринимают его как подлинную реальность. Они не только носят миф «в уме», но живут и действуют так, как того требует миф. Это значит, что мифология офицерской чести стимулирует поведение военнослужащих в соответствии с данной мифологемой.

Таким образом, миф становится активным фактором, воздействующим на личность носителя чести, подталкивающим ее к превращению мифологического содержания в реальные поступки. Активное воздействие мифа на социальную реальность — частный случай «теоремы Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям» [10]. Следовательно, можно резюмировать очередную особенность мифа: с помощью своих реципиентов он как бы сам себя воплощает в жизнь.

Этим и объясняется, с нашей точки зрения, живучесть мифологических форм общественного сознания, таких как мифологема офицерской чести. Закрепленная многочисленными произведениями устного народного творчества, литературы и искусства, она донесла до нас образ русского воина, офицера — носителя чести и других высоких духовно-нравственных качеств.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что выдвинутое в начале этой статьи предположение о мифологической составляющей генезиса и онтологии офицерской чести как социально-культурного и исторически обусловленного явления вполне оправдано и обосновано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: БКИ, 1997.
2. См.: Кармин А. С. Культурология. СПб.: Изд-во «Лань», 2004.
3. Цит. по: Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм и научное познание. М., 1966.
4. См.: Кольев А. Чеченский капкан. М., 1997. С.253-273.
5. См.: Тэрнер В.. Символ и ритуал. М., 1983.
6. См.: Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990.
7. См.: Новожилов И. К. Благовест над гарнизоном // Ориентир. 2001. № 4.
8. См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994; Кацура А. Поединок чести. Дуэль в истории России. М., 1999 и др.
9. См.: Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб., 2004. С.3.
10. Цит. по: Кармин А. С. Культурология. СПб.: Изд-во «Лань», 2004. С. 339.